

Лишь когда они окончательно вошли в Южные Земли, Мо Линъюнь начал планировать дальнейший путь. Когда Цзин Жун велел ему принести оттуда одну вещь, Мо Линъюнь был сам не свой от растерянности — он дал согласие не раздумывая, а затем в каком-то полубессознательном состоянии покинул секту. Пройдя за десять с лишним дней этот путь и более-менее придя в себя, он, разумеется, решил как следует проложить маршрут до болота Чанчуань.

— Учитель, вы знаете дорогу к болоту Чанчуань?

— ...Не знаю. — Мог ли Цзин Жун признаться, что тогда ляпнул это просто так, лишь бы отправить ученика проветриться и развеяться? Теперь, когда они оба успокоились, он сообразил: для него самого добраться до болота Чанчуань проще простого — пара мгновений полета на магическом артефакте, — но Мо Линъюнь всего лишь заклинатель, у которого даже Закладки Основания нет. Отправлять его в болото Чанчуань в одиночку — какая же это опасность?

— Может, сначала заглянем в филиал Обители Иного Мира и купим карту? — Мо Линъюнь вспомнил то, чему учили на вводных лекциях, и прикинул вес своего мешочка с деньгами. — Правда, поговаривают, что в Обители Иного Мира цены дерут нещадно. Интересно, хватит ли моих серебряных монет?

— Не беспокойся, хранилище твоего наставника при тебе, должно хватить. — Цзин Жун протянул ему нефритовую подвеску и, дождавшись, пока Мо Линъюнь возьмет ее, добавил: — Влей немного духовной энергии, чтобы открыть его.

На вид этот нефрит казался самым обыкновенным, однако он и впрямь оказался артефактом, содержащим пространственное хранилище. Мо Линъюнь испытывал жгучее любопытство. Последовав указанию Цзин Жун, он влил внутрь нить духовной ци — и его глаза, сперва нормального размера, постепенно превратились в узкие щелочки, а затем в суеверном ужасе расширились до предела.

Он-то думал, что приготовленные Цзин Жун дорожные расходы составят в лучшем случае тысячу-другую лянов серебра, но что за чертовщина эти горы сокровищ, созданных самой природой, и слитки золота с серебром?!

— Мало? — Заметив, что Мо Линъюнь долго молчит, Цзин Жун невольно усомнился: уж не перепутал ли он нефритовую подвеску? Вроде бы нет... Хотя он выделил лишь малую толику содержимого основного талисмана, на покупку мирской карты этого должно было хватить с избытком, верно?

— Учитель... Вы что, отдали мне все свое достояние? — Голос Мо Линъюня дрожал: ему еще никогда не доводилось видеть столько денег. Хотя большую часть той горы небесных сокровищ он даже не смог опознать, казалось, от одного взгляда на них исходило ослепительное сияние богатства!

— Нет же... — Цзин Жун слегка поджал губы. Он не слишком разбирался в обращении мирских денег, да и тратить их в повседневной жизни ему было почти некуда. Все вещи, подаренные другими, и ежемесячное жалование пикового лорда он обычно просто швырял в пространственное хранилище. Если подумать, за несколько десятков лет накопилось приличное количество.

Поэтому было вполне естественно, что он не заметил, как содержимое выделенной второстепенной подвески равнялось многолетним сбережениям небольшой секты.

Внезапно разбогатевший Мо Линъюнь почувствовал, что теперь у него хватит уверенности заявиться даже в такое златное место, как Обитель Иного Мира. Карту четырех царств и одного болота? Да не то что одну — он без всякого трепета купил бы хоть десяток.

Жизнь доказала справедливость правила: не стоит бросаться громкими словами. Лавочник в филиале Обители Иного Мира оказался непревзойденным мастером продаж. Мо Линъюнь позволил себя уговорить и накупил целую гору всякого хлама из магических артефактов, искренне полагая, что поступает крайне разумно. Цзин Жун же, будучи человеком, далеким от мирской суеты, точно так же не испытывал ни малейшего подозрения, что их бессовестно обвели вокруг пальца.

Как только они покинули этот изысканно украшенный особняк, молодой господин с веером спустился со второго этажа. Припозднись Мо Линъюнь с товарищем хоть ненамного, они бы заметили, что уже встречали этого человека на церемонии принятия в ученики.

— Глава секты, — почтительно поклонился лавочник.

— Отлично сработано. В этом месяце получишь прибавку к жалованью. — Шу Хуаянь сложил веер и улыбнулся. Будучи главным среди бессовестных торговцев, зарабатывание денег поистине являлось величайшей страстью всей его жизни. Подчиненные тоже не подкачали: глядя на этот уровень убеждения, можно было смело сказать, что его красноречие способно растопить камень.

Впрочем, не тот ли самый юноша только что отбыл отсюда, который приходится старшим учеником Даоцзюню Жунсе?

Имея на руках подробную карту, Мо Линъюню стало намного проще планировать дальнейший путь. Товары в Обители Иного Мира стоили дорого, но цена полностью оправдывала качество: на полях карты даже имелись примечания с предупреждениями об обитающих в окрестностях великих демонах, что избавляло путников от лишнего риска соваться напрямик в звериные логовища.

— Нам предстоит пересечь Южные Царства и двигаться на запад... Как же далеко... — Мо Линъюнь изучал маршрут, чувствуя, что даже если он будет шагать добрых полгода, то едва ли добраться до границ Южных Царств, не говоря уже о лежащем еще дальше на западе болоте Чанчуань.

— Если хочешь, можешь прямо сейчас вернуться со мной в секту, — негромко обронил Цзин Жун.

— Нет, учитель, я очень хочу побывать на болоте Чанчуань. — Мо Линъюнь озарил его улыбкой. Он понимал, что Цзин Жун желает ему добра, но болота Чанчуань, представлявшие собой огромный водный простор, над которым возвышалась Академия Чанчуань, служили передовой линией обороны против демонов. Это было то самое место, куда стремились многие заклинатели ради закалки духа и совершенствования.

За время этого путешествия Мо Линъюнь сделал немало добрых дел: помог крестьянам на окраине города починить плуг, прогнал убежавшую собаку у тетушки с восточной улицы — словом, совершал самые простые, близкие народу благодеяния.

Пока они шли сюда, жизнь простых людей казалась на редкость безмятежной, и их не тревожили нападения демонов; если бы не Цзин Жун рядом да не весомость меча за спиной, он бы и сам почти забыл, что является заклинателем.

— Учитель, может, бросить мне это заклинательство и податься в бродячие герои? — Мо Линъюнь сорвал у дороги две травинки и, сплетая из них кузнечика, бормотал о совершенно немыслимых вещах.

— Бродячим героям тем более подобает усердно оттачивать искусство меча. — Цзин Жун не стал сразу охлаждать его пыл. За всю дорогу он не раз подгонял Мо Линъюня тренироваться с мечом. Учитывая состояние меридианов Мо Линъюня, сколько бы духовной ци он ни накапливал, она все равно утекала бы без остатка, словно через воронку. Но с техникой боя дело обстояло иначе: его меч принадлежал только ему.

— Учитель! Это вам! — Доплетя кузнечика, Мо Линъюнь сунул его прямо в руку Цзин Жуну. — В следующий раз сплету тебе бамбукового стрекозу.

В его чистых глазах искрилось веселье. Бросив взгляд на Цзин Жун, он снова устремил взор вдаль на юг и пробормотал:

— Как говорится, весенний дождь дорог как масло. Судя по небу, к ночи собирается дождь, надо поскорее отыскать постоянный двор на ночлег.

Цзин Жун посмотрел на травяного кузнечика в ладони и искренне похвалил:

— Выполнено очень искусно.

— То-то же, — ухмыльнулся Мо Линъюнь. — Учитель, я тебе вот что скажу: такие травяные кузнечики отлично продаются! По одной монете за штуку, продашь с десятков — глядишь, и на трехразовое питание хватило бы.

— Трехразовое?

— Ну да, как раньше: лепешки, паровые булочки. А если покупателей набиралось побольше, можно было даже позволить себе миску лапши с яйцом.

В улыбке Мо Линъюня не было ни капли горечи или тоски по прошлому — пожалуй, в его глазах любой образ жизни сводился к простому умению выживать.

Их путь до сих пор складывался на редкость гладко. Цзин Жун время от времени давал ему наставления в технике владения мечом. Этот бумажный двойник, созданный из разделенной души, мало чем отличался от подлинного тела; главная проблема заключалась в том, что, хотя разделенная душа и обладала силой Пика Зарождающейся Души оригинала, у нее не было реальных боевых навыков, которыми владел настоящий Цзин Жун.

Если не считать запечатанной способности оградить Мо Линъюня от смертельной опасности, этот бумажный двойник ничем не отличался от обычного человека. Говоря проще: теория — на высший балл, а стоило взяться за дело — толку ноль.

Кроме того, его истинную личность не должны были заметить посторонние заклинатели, поэтому они заранее договорились: если поблизости появятся другие адепты выше Стадии Золотого Ядра, они будут выдавать себя за друзей, а не за учителя с учеником.

— Мало кто в этом мире видел меня в лицо, — погрузился в задумчивость Цзин Жун.

— А что, если на свою беду мы все-таки столкнемся с таким? — Мо Линъюнь откусил паровую булочку, из-за чего его слова прозвучали невнятно.

— На все воля судьбы.

Тех, кто видел его истинный облик, было немного, да и бамбуковую шляпу Цзин Жун никогда не снимал в присутствии посторонних, так что обнаружить его личность, пожалуй, было не так-то просто.

В южных землях, где уже собирался ночной дождь, даже от воздуха веяло знойной духотой. Не успел Мо Линъюнь подыскать подходящий постоянный двор, как с неба закапал мелкий дождик, окутавший огромный мир пеленой туманной дымки.

Раскрытый зонт был почти целиком наклонен в сторону Цзин Жун, а Мо Линъюнь шагал вперед, глядя прямо перед собой:

— Нынче дожди вовремя идут, влаги вдоволь, значит, и урожай у крестьян получше будет.

Цзин Жун молча слушал, в тишине ощущая исходящую от Мо Линъюня радость.

В их Секте Сюаньтянь за земледелие отвечал Пик Вангуй. Он редко общался с тем младшим сородичем, но в памяти запечатлелось, что, говоря о своих всходах, тот неизменно гордился ими и трепетал над ними — на Пике Вангуй чуть ли не половина пустующих земель на главных и второстепенных вершинах была засажена сельскохозяйственными культурами.

— Тебе нравятся злаки и овощи? — спросил Цзин Жун.

— Мне нравится богатый урожай, — ответил Мо Линъюнь.

— Урожай?

— Тогда никому не придется голодать.

Цзин Жун промолчал. В Секте Сюаньтянь его окружили слишком уж тепличной заботой: он не вкушал грубой пищи, не ведал мирской суеты, проводя дни среди синеющих гор и бескрайних рек. Год за годом, изо дня в день он лишь предавался совершенствованию, и те небесные сокровища, что казались другим бесценными, для него давно превратились в нечто заурядное.

Наставник учил его заботиться о простом народе и защищать праведный Путь в миру, но сам он, казалось, так никогда и не слился с этим человеческим миром.

Пропитанный влагой ветер приподнял легкую вуаль на бамбуковой шляпе, и в этот момент Мо Линъюнь чуть ближе прижался к нему:

— Учитель, берегитесь, забрызгает.

— Я не боюсь ни воды, ни огня, — машинально отказался Цзин Жун.

— Но я не хочу, чтобы ты вымок.

Стоило им только найти постоянный двор, как дождь на улице резко усилился. Мо Линъюнь не преминул порадоваться:

— Какое счастье, что ливень хлынул только после того, как мы отыскали крышу над головой.

Снаружи шумел дождевой ливень, в комнате тускло мерцал свет светильника, а Цзин Жун, сняв шляпу, снова невольно погрузился в задумчивость. Его истинное тело сейчас медитировало в уединении в запретной зоне Секты Сюаньтянь, и многие вести о Мо Линъюне доходили туда урывками: все-таки для совершенствования требовалось сосредоточение и

ясный ум, да и разделение внимания для Цзин Жун могло грозить опасностью отклонения от Пути.

Однако он начал подавлять собственную силу еще с того момента, как достиг Стадии Зарождающейся Души, и эту подавляемую на протяжении нескольких десятков лет мощь было не так-то легко поколебать.

Пока Цзин Жун витал в мыслях, Мо Линъюнь в соседней комнате уже давно крепко спал, обняв тонкое одеяло.

Утром Мо Линъюнь позавтракал двумя паровыми булочками и миской постной лапши, добавив еще одну медную монету за чашку соевого молока. Цзин Жун просто сидел рядом, дожидаясь, пока тот закончит еду. Хозяин лавки с булочками проявил большое радушие, осведомившись, не желает ли молодой господин еще миску лапши, на что Мо Линъюнь с улыбкой ответил:

— Мой учитель соблюдает аскезу зернового поста, он не ест.

— Вот как, погодите-ка... выходит, это бессмертный наставник? — Лавочник сложил руки в поклоне перед Цзин Жун и вернулся к стряпне для других посетителей.

Заклинатели в этом мире встречались нечасто, и люди относились к ним с глубоким почтением. Альянс Пути, совместно созданный различными сектами и аристократическими кланами совершенствующихся, поддерживал человеческий порядок и защищал простых людей. В каждом городе и селении, помимо выбираемых местными жителями старост и правителей, Альянс Пути также направлял заклинателей для управления и поддержания безопасности обывателей.

Племена демонов кишели во всех четырех царствах, и лишь заклинатели были способны сдерживать их. В то же время Южные Царства, болото Чанчуань и Секта Сюаньтянь сдерживали подавляющую часть иноземных демонов. Последние два пользовались такой славой, что простые люди не могли удержаться от восхищения, упоминая их как опору праведного Пути и крупнейшие силы мира бессмертных.

Что же до Южных Царств? О них и упоминать не стоило.

Наевшись досыта, Мо Линъюнь прихватил с собой еще немного булочек и лепешек. Держа их в руках, он вместе с Цзин Жун направился к городским воротам, не став запихивать еду в пространственное хранилище.

Хотя Цзин Жун отдал ему хранилище без лишних слов, Мо Линъюнь прекрасно осознавал ценность подобных артефактов. Пространственное сокровище размером с полдома было эквивалентно целому небольшому городу, иные же заклинатели за всю жизнь могли так и не увидеть ни единого артефакта хранения. Только такие ученики великих сект, как Цзин Жун, могли вот так легко разбрасываться бесценными сокровищами.

<http://bllate.org/book/20174/2009556>